

АГНЕС БОЖЬЯ

Драма

Автор Джон Пилмейер

Перевод и адаптация Ольги Варшавер

Действующие лица:

Доктор МАРТА Ливингстон
МАТЬ Мириам
АГНЕС

Сквозь весь текст проходят литургические песнопения – в том порядке, в каком они звучат во время католической Мессы – от Kurie до Agnus Dei. То есть, по сути, эта пьеса – Месса.

Пение должно быть живым, не в записи.

Актрисы не покидают сцену.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Темно. Звучит красивое сопрано.

АГНЕС. Kyrie elison. Kyrie eleison. Kyrie eleison. Christe eleison. Christe eleison. Kyrie eleison. // Господи помилуй. Господи помилуй. Христе, помилуй. Христе, помилуй. Господи помилуй.

*Постепенно вводится свет –
луч направлен на ДОКТОРА МАРТУ ЛИВИНГСТОН.*

МАРТА. Однажды, еще в детстве, я переключала каналы, наткнулась на «Даму с камелиями» с Гретой Гарбо и – влюбилась. Раз пять-шесть потом смотрела, не меньше. И каждый раз молилась, чтобы она все-таки не умерла от чахотки. Я аж не дышала перед телевизором. И каждый раз – облом. Но я смотрела фильм снова и снова: пусть-пусть будет счастливый конец! Эй вы, там, заправьте в конце правильную катушку! Знаете, такие бобины с киноплёнкой? Правильная катушка затерялась где-то в Голливуде, но она существует – и тогда не умрет от чахотки Маргарита Готье, не бросится под поезд Анна Каренина, не расстреляют Мату Хари. Все фильмы Гарбо должны иметь счастливый конец. Я хочу верить в хороший конец любой истории. Надо просто хорошенько поискать катушку. Если она нам вправду нужна... (*пауза*)
Младенец лежал в мусорном ведре. На шее – пуповина. Мать – без сознания у двери, она потеряла много крови. Ее обвинили в непредумышленном убийстве. Началось следствие. Я – доктор Марта Ливингстон, судебный психиатр, и мне поручено определить, вменяема ли эта молодая женщина, можно ли ее судить. Я хотела ей помочь...

*Мать МИРИАМ перебивает МАРТУ,
у нее своя повестка и она очень напориста.*

МАТЬ М. Сейчас отгадаю! Вы – доктор Ливингстон? (*смеется собственной шутке*) Я мать Мириам, настоятельница монастыря.

МАРТА . Здрав...

МАТЬ М. Преподобной меня не величайте, если язык не поворачивается.

МАРТА. Спасибо.

МАТЬ М. Боюсь, церковные титулы нынче не в чести...

МАРТА. Пожалуй.

МАТЬ М. ...а слово «мать» к тому же намекает на близость, к которой большинство не готово.

МАРТА. Ну да.

МАТЬ М. Называйте меня сестрой. Я доставила сестру Агнес, как велено. Ей разрешено жить в монастыре до суда.

МАРТА. Да, знаю.

МАТЬ М. Можете рассчитывать на мою помощь.

МАРТА. Спасибо, сестра, но я пока даже не познакомилась с сестрой Агнес. Мы с ней побеседуем и, если у меня возникнут вопросы, я с радостью к вам обращусь.

МАТЬ М. У вас наверняка куча вопросов.

МАРТА. Да, но я хотела бы задать их самой...

МАТЬ М. Агнес вам как раз не помощник.

МАРТА. Что вы имеете в виду?

МАТЬ М. Сестра Агнес все вытеснила. Забыла. Кроме меня на вопросы никто не ответит.

МАРТА. Вы хорошо ее знаете?

МАТЬ М. Прекрасно знаю. Видите ли, сестёр у нас в монастыре совсем немного, все на виду. Настоятельницей меня выбрали четыре года назад, как раз перед тем, как к нам пришла Агнес. Так что я отвечу на любые ваши вопросы. Вы что – курите? Я этот запах всегда чую.

МАРТА. Извините... я вроде проветриваю...

МАТЬ М. Ничего-ничего, курите, я не против. Я раньше обожала этот запах.

МАРТА. *(доставая сигарету)* Вы курили?

МАТЬ М. Пачка в день.

МАРТА. Я вас, пожалуй, переплуну.

МАТЬ М. Курила сигареты без фильтра. Моя сестрица считала, что их курят только честные люди. Поэтому в этом безумном мире можно доверять только им. В смысле – сигаретам без фильтра. Людям она вообще не доверяла. Ну, выкладывайте вопросы.

МАРТА. *(после паузы)* Кто знал о беременности Агнес?

МАТЬ М. Никто.

МАРТА. Как она это скрыла?

МАТЬ М. Раздевалась одна, мылась одна...

МАРТА. Это обычное дело?

МАТЬ М. Вполне.

МАРТА. А как она скрывала живот на позднем сроке?

МАТЬ М. (*встряхнув свое широкое монашеское облачение*) Да тут целый пулемет можно спрятать.

МАРТА. И ее ни разу не смотрел врач?

МАТЬ М. Медосмотр у нас раз в год. Беременность пришлась как раз на промежуток между посещениями врача.

МАРТА. Кто обнаружил младенца?

МАТЬ М. Я. В тот вечер сестра Агнес неважно себя чувствовала. Я разрешила ей лечь пораньше. А потом зашла к ней в комнату...

МАРТА. У монахинь отдельные комнаты?

МАТЬ М. Да. Она лежала у двери, без сознания. Привести ее в чувство я не смогла и попросила одну из сестер вызвать скорую. Пока ждали скорую, я нашла... корзину для бумаг.

МАРТА. Нашла?

МАТЬ М. Она была спрятана. Под кроватью, у стенки.

МАРТА. Почему вы решили туда заглянуть?

МАТЬ М. Я пол отмывала. Море крови.

МАРТА. Кто-то, кроме вас, был в комнате?

МАТЬ М. Сестра Маргарита. Она и вызвала полицию.

МАРТА. И кто же отец?

МАТЬ М. Понятия не имею.

МАРТА. Кто из мужчин имел доступ к Агнес?

МАТЬ М. Это женский монастырь.

МАРТА. Но врач-то бывает у вас?

МАТЬ М. Конечно.

МАРТА. Мужчина?

МАТЬ М. Я же сказала: Агнес с ним не пересекалась.

МАРТА. А священник приходит?

МАТЬ М. Само собой, но...

МАРТА. Как его зовут?

МАТЬ М. Отец Маршалл. Это не вариант.

МАРТА. Почему?

МАТЬ М. Очень застенчив.

МАРТА. Значит, кто-то еще?

МАТЬ М. Очевидно.

МАРТА. И вы не потрудились узнать кто?

МАТЬ М. Я трудилась, поверьте. Мы ведем тщательный учет посетителей, даже курьеров – я все проверила.

МАРТА. А у самой Агнес не спрашивали?

МАТЬ М. Голубушка, побойтесь Бога! Она даже о родах не помнит, так неужели вспомнит о зачатии? Да и какая разница, кто отец?

МАРТА. То есть как?

МАТЬ М. Важно, что ребенок был зачат, доктор. Случилось это около года назад. Ну и какое отношение имеет личность... донора спермы к предстоящему суду?

МАРТА. По-вашему – никакого?

МАТЬ М. К чему такие вопросы? Я не ваш пациент.

МАРТА. Но я доктор. И я решаю, что здесь важно, а что нет.

МАТЬ М. Не спорю.

МАРТА. Тогда почему вы уклоняетесь от ответа?

МАТЬ М. Я не...

МАРТА. Кто отец?

МАТЬ М. Не знаю.

МАРТА. *(после паузы)* Что ж, пора поговорить с Агнес. Прямо сейчас.

МАТЬ М. Доктор... как бы выразиться повежливее... Я вас не одобряю.
Не вас лично, а...

МАРТА. Науку психиатрию.

МАТЬ М. Да. И прошу говорить с Агнес недолго и мягко, без нажима. Она хрупкое существо и никаких допросов не выдержит.

МАРТА. Сестра, я не инквизитор.

МАТЬ М. А я не средневековая монашка. И отлично понимаю, кто вы. Нейрохирург. Так вот: я не хочу, чтобы вы рылись у нее в мозгу.

МАРТА. Вы хотите от меня что-то скрыть?

МАТЬ М. Просто прошу задавать вопросы поаккуратнее.

МАРТА. И побыстрее?

МАТЬ М. Да.

МАРТА. Почему?

МАТЬ М. Потому что Агнес особенная.

МАРТА. По сравнению с кем? С другими монахинями?

МАТЬ М. С другими людьми. Она особенная.

МАРТА. Чем же?

МАТЬ М. У нее особый дар. На ней печать Божья.

МАРТА. О чем вы?

Слышно, как поет АГНЕС.

АГНЕС. Gloria in excelsis Deo...

МАТЬ М. Слышите?

АГНЕС. Et in terra pax hominibus bonae voluntatis.

МАТЬ М. Ангельский голос.

АГНЕС. Laudamus te. Benedicimus te.

МАРТА. Она часто поет?

МАТЬ М. Всегда, когда она одна.

АГНЕС. Adoramus te.

МАТЬ М. А перед людьми стесняется.

АГНЕС. Glorificamus te. Gratias agimus tibi propter magnam gloriam tuam. Domine Deus. Rex coelstis. Deus pater omnipotens. Domini Fili unigenite Jesu Christe.

МАТЬ М. *(на фоне пения)* Когда я услышала ее пение в первый раз – ушам своим не поверила. Неземной голос. И словно бы не ее. Простой счастливый ребенок так не поет. Да-да, она была счастлива, доктор. А голос принадлежит кому-то другому.

АГНЕС. Domine Dens, Agnus Dei, Filius Patris, Qui tollis peccata mundi, Miserere nobis.

МАРТА. Пригласите ее сюда, будьте добры.

МАТЬ М. Надеюсь, вы будете аккуратны?

МАРТА. Я всегда аккуратна, сестра.

МАТЬ М. Мне можно присутствовать?

МАРТА. Нет.

МАТЬ М. Сейчас я ее пришлю.

АГНЕС продолжает петь.

АГНЕС. Qui tollis peccata mundi suscipe deprecationem nostram, Qui sedes ad dexteram Patris, Miserere nobis. Quoniam tu solus sanctus, Tu solus Dominus, Tu solus Altissimus, Jesu Christe. Cum Sancto Spiritu In gloria Dei Patris.

МАРТА. *(на фоне пения)* Однажды перед судом предстала толпа линчевателей – они повесили какого-то человека без суда и следствия. «Ваша честь, — сказал вожак, — мы выслушали каждое его слово, честно и беспристрастно. И только потом повесили этого сукина сына»... Я очень старалась сохранить беспристрастность, но мать Мириам не поверила. Нет, о Марии она ничего не знала – да и откуда? Но она что-то заподозрила. Мария – моя старшая сестра, роднее у меня никого не было. Она верила в меня больше, чем наша мать. Когда мне было тринадцать лет, сестра ушла в монастырь. Я ужасно горевала. Судья, кстати, знал, что моя сестра монахиня, поэтому и поручил мне это дело. Только он не знал, что Мария... умерла от острого аппендицита... настоятельница не пожелала отправить ее в больницу. *(смеется)* Так что честной и беспристрастной мне, сами понимаете, не быть. *(пауза)* Помню эту комнатку при входе в монастырь – я ждала, чтобы меня впустили проститься с сестрой. Я смотрела на белоснежные стены, на пол без единой пылинки и думала: Боже, какая метафора для их незамутненного разума! Тогда я поняла, что моя религия, мой Христос – это Разум. Все, что мне дано постичь в этом мире, содержится здесь, в оболочке из кожи, костей и крови. Здесь ключ от всего мироздания. Я смотрю на дерево и думаю: какое совершенство мне удалось вообразить! Зеленое совершенство. Бог не снаружи. Он здесь, внутри. Я – Бог. И ты – тоже Бог. Матери Мириам этого не понять. Она так похожа на мою собственную мать. Что касается Агнес... *(вслушивается в пение)*

Входит АГНЕС.

АГНЕС. Здравствуйте.

МАРТА. Здравствуй, Агнес. Я доктор Марта Ливингстон. Мне поручили с тобой поговорить. Можно?

АГНЕС. Да.

МАРТА. У тебя прекрасный голос.

АГНЕС. Не прекрасный. Нет.

МАРТА. Но ты только что...

АГНЕС. Это не я пела.

МАРТА. А кто же? Неужели моя секретарша? Она как запоет – только держись. У одного пациента от ее пения очки вдребезги разлетелись. *(АГНЕС смеется, МАРТА тоже)* Ты очень красивая, Агнес.

АГНЕС. Не красивая. Нет.

МАРТА. Разве тебе никто раньше не говорил, что ты красавица?

- АГНЕС. Не знаю.
- МАРТА. Тогда я говорю. Ты очень красивая. И голос у тебя прекрасный.
- АГНЕС. Давайте о чем-нибудь другом.
- МАРТА. О чем ты хочешь поговорить?
- АГНЕС. Не знаю.
- МАРТА. Предлагай! Первое, что на ум придет.
- АГНЕС. Бог. Но о Нем нельзя все.
- МАРТА. А что второе на ум приходит?
- АГНЕС. Любовь.
- МАРТА. Почему любовь?
- АГНЕС. Не знаю.
- МАРТА. Ты любила кого-нибудь, Агнес?
- АГНЕС. Бога.
- МАРТА. А если не Бога? Ты любила какого-нибудь человека? Любишь?
- АГНЕС. О, да.
- МАРТА. Кого же?
- АГНЕС. Всех люблю.
- МАРТА. А конкретнее?
- АГНЕС. Прямо сейчас?
- МАРТА. Да.
- АГНЕС. Вас.
- МАРТА. *(после паузы)* А мужчина какой-нибудь тебе нравится? Кроме Иисуса Христа.
- АГНЕС. Да.
- МАРТА. Кто же?

- АГНЕС. Да много кто.
- МАРТА. Ну, к примеру, тебе нравится отец Маршалл?
- АГНЕС. Очень нравится.
- МАРТА. А ты ему? Как думаешь?
- АГНЕС. Конечно нравлюсь.
- МАРТА. Он тебе сам сказал?
- АГНЕС. Я по глазам вижу.
- МАРТА. Вы с ним были наедине?
- АГНЕС. *(радостно)* Да!
- МАРТА. Часто?
- АГНЕС. Ну, раз в неделю точно.
- МАРТА. *(подхватив радостную ноту)* Тебе понравилось?
- АГНЕС. Очень!
- МАРТА. Где вы встречаетесь?
- АГНЕС. В исповедальне.
- МАРТА. *(после паузы)* Понятно. Больше нигде?
- АГНЕС. Вы ведь о ребенке хотите поговорить?
- МАРТА. А ты хочешь?
- АГНЕС. Я никакого ребенка не видела. По-моему, они его выдумали.
- МАРТА. Кто они?
- АГНЕС. Полиция.
- МАРТА. Зачем им выдумывать?
- АГНЕС. Не знаю.
- МАРТА. Ты помнишь тот вечер? Когда они его выдумали...
- АГНЕС. Нет. Помню, что болела сильно.

МАРТА. Чем?

АГНЕС. Съела что-то.

МАРТА. Живот болел?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Где?

АГНЕС. Там, внизу.

МАРТА. И что ты сделала?

АГНЕС. Ушла в свою комнату.

МАРТА. Стало легче?

АГНЕС. Стало хуже.

МАРТА. А потом?

АГНЕС. Я заснула.

МАРТА. При этой дикой боли?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Но откуда взялся ребенок?

АГНЕС. Какой ребенок?

МАРТА. Которого они выдумали.

АГНЕС. Из их головы и взялся.

МАРТА. Это они так говорят?

АГНЕС. Нет, они говорят – из корзины для бумаг.

МАРТА. А в корзине он откуда взялся?

АГНЕС. От Бога.

МАРТА. А что было между? После Бога, но перед корзиной.

АГНЕС. Не понимаю.

МАРТА. Как рождаются дети?

АГНЕС. Сами не знаете?

МАРТА. Я-то знаю, но хочу, чтобы ты...

АГНЕС. Вы хотите говорить о ребенке, все хотят говорить о ребенке, но я никогда его не видела, я не могу о нем говорить. Я в него не верю!

МАРТА. Хорошо, поговорим о другом.

АГНЕС. Нет! Я устала! Я уже три месяца говорю! И никто не верит. Я рассказываю, а мне не верят! Никто не слушает!

МАРТА. Я слушаю. Это моя работа.

АГНЕС. Но я больше не хочу отвечать.

МАРТА. Тогда сама спрашивай.

АГНЕС. Что значит «спрашивай»?

МАРТА. Задавай вопросы. Ты спрашиваешь, я отвечаю.

АГНЕС. О чем?

МАРТА. О чем угодно.

АГНЕС. *(после паузы)* У вас есть святой покровитель?

МАРТА. Ну, раз меня зовут Марта, наверное мой покровитель – Святая Марта.

АГНЕС. Вы замужем?

МАРТА. Нет.

АГНЕС. Вы хотите замуж?

МАРТА. В данный момент – нет.

АГНЕС. У вас есть дети?

МАРТА. Нет.

АГНЕС. Тоже не хотите?

МАРТА. Уже поздно.

АГНЕС. Почему?

МАРТА. Ну... у меня прекратились менструации.

АГНЕС. (*кивая на пепельницу*) Зачем вы курите?

МАРТА. Тебе неприятно?

АГНЕС. Сейчас я спрашиваю.

МАРТА. Дурная привычка, зависимость. Раньше нравилось – теперь нет. Во всяком случае, не так сильно. Но бросить не получается. Гипноз не сработал, иглоукальвание тоже. Заменители никотина — пустая трата денег и времени. Ведь курение – не только никотин. (*пауза*) Жалеешь, что спросила, да? (*пауза*) Есть еще вопросы?

АГНЕС. Один.

МАРТА. Какой?

АГНЕС. Откуда, по-вашему, берутся дети?

МАРТА. Исключительно от мамы с папой. Есть ли что-то до – не знаю.

АГНЕС. А по-моему, детей, хороших детей ангел нашептывает на ухо матери. Плохих тоже приносит ангел, но падший: проникает, втискивается вот сюда, в самый низ живота, и дети там растут и растут, пока не вылезут. Откуда хорошие вылезают, я не знаю. (*пауза*) Плохих от хороших не всегда отличишь, но плохие дети много плачут, их отцы бросают матерей, и матери очень болеют и иногда умирают. Моя мама была не очень-то счастлива, когда умерла, и она наверняка попала в ад, потому что – когда я ее вижу – она всегда точно ошпаренная... И я не понимаю, кто мне подсказывает: мама или Богоматерь. Они ведь до сих пор за меня борются. Богоматерь я видела, мне тогда десять лет было. Я лежала на траве, смотрела на солнце, и солнце превратилось в облако, а облако – в Богоматерь, и она сказала, что хочет со мной поговорить, но тут у нее на ногах выступила кровь, и на руках были раны, и на боку, и я пыталась собрать эту кровь, которая капала с неба, но потом я больше ничего не видела: глаза заболели. Перед ними расплылись такие большие черные пятна. Но Богоматерь я с тех пор часто слышу. И пою не я, это она поет. Закидывает большой крюк в воздух, он зацепляется мне под ребра и пытается меня поднять, но я не могу двигаться, потому что мама держит меня за ноги. Я могу только петь голосом Богоматери. Бог любит тебя! (*пауза*) Бог любит тебя. (*пауза*) Вот прямо сейчас она кричит: «Мария! Мария!» А зачем кричит, не понимаю.

МАРТА. Ты знакома с какой-нибудь Марией?

АГНЕС. Нет. А вы?

МАРТА. (после паузы) Ты часто слышишь такие... голоса?

АГНЕС. Все. Не хочу больше отвечать. Хочу домой.

АГНЕС выходит. Входит МАТЬ МИРИАМ.

МАТЬ М. Ну, что думаете? Она совсем не в себе? Или просто слегка блаженная? Или, наоборот, обычная врушка? У вас есть ответ?

МАРТА. Пока нет. А у вас?

МАТЬ М. У меня?

МАРТА. Да. Вы же знаете ее лучше, чем я. Каково ваше мнение?

МАТЬ М. Ну... я полагаю, что Агнес... не безумна. И она не лжет.

МАРТА. Но как можно родить и ничего не знать о сексе и родах?

МАТЬ М. Поймите, голубушка: она невинна. К ее душе не прикасался никто, кроме Бога. В ее голове нет места для этих фактов.

МАРТА. Чушь какая!

МАТЬ М. В ее случае это не чушь. Мать почти все время держала ее дома. Девочка почти не училась. Уж не знаю, каким образом мать прятала ее от властей. Когда мать умерла, Агнес пришла к нам. Она никогда не была «в миру», доктор. Ей что кино, что телевизор, что интернет – все чужое.

МАРТА. Но как при такой невинности она могла убить ребенка?

МАТЬ М. Она не убивала. Это вышло случайно. Непредумышленное убийство – так это у вас называется? Но дело не в терминах, а в сути: Агнес не виновата. И она действительно не помнит. Она потеряла много крови. Когда я вошла, она лежала без сознания.

МАРТА. То есть родила, убила, спрятала труп в мусорное ведро и подползла к двери в мистическом трансе? И я должна в это верить?

МАТЬ М. Верьте не верьте, ваше дело. Мне все равно. Вы судебный психиатр, а не суд присяжных. Не вам решать, виновна она или нет.

МАРТА. А это точно она?

МАТЬ М. Что вы имеете в виду?

МАРТА. Мог кто-то другой убить ребенка?

МАТЬ М. *(после паузы)* У полиции такой версии не было.

МАРТА. А у вас?

МАТЬ М. Я свою версию уже изложила.

МАРТА. Ну, вы утверждаете, что она была какое-то время без сознания, значит другой человек мог проникнуть в комнату и... [сделать это.]

МАТЬ М. Неужели вы думаете... [что произошло нечто подобное?]

МАРТА. Разве это исключено?

МАТЬ М. Кто?

МАРТА. Не знаю, допустим одна из монахинь. узнала о ребенке и хотела избежать скандала.

МАТЬ М. Абсурд.

МАРТА. Такая версия даже не приходила вам в голову?

МАТЬ М. О беременности Агнес никто не знал. Никто. Даже сама Агнес.

МАРТА. *(после паузы)* Когда вы узнали об этой ее... бездонной невинности? О том, как она мыслит?

МАТЬ М. Вскоре после ее прихода в монастырь.

МАРТА. Не удивились?

МАТЬ М. Я была потрясена. Как вы сейчас. Привыкнете, не бойтесь.

МАРТА. А как вы узнали? Что случилось?

МАТЬ М. Она перестала есть. Полностью.

МАРТА. Это было до беременности?

МАТЬ М. Почти за два года до...

МАРТА. И сколько это продолжалось?

МАТЬ М. Не знаю. Когда мне сообщили, она не ела уже неделю.

МАРТА. Почему?

МАТЬ М. Сначала она отмалчивалась. Ну еще бы -- ее привели к самой настоятельнице! Звучит как трибунал! Но потом, наедине, она объяснила.

МАРТА. Что сказала?

МАТЬ М. Что ей повелел Бог.

Появляется АГНЕС.

На протяжении всей сцены она прячет одну руку в складках рясы.

МАТЬ М. Он говорил с тобой сам?

АГНЕС. Нет.

МАТЬ М. Через кого-то?

АГНЕС. Да.

МАТЬ М. Через кого?

АГНЕС. Я не могу сказать.

МАТЬ М. Почему?

АГНЕС. Она меня накажет.

МАТЬ М. Это кто-то из сестер?

Агнес. Нет.

МАТЬ М. Кто же? (*пауза*) Почему она велела тебе голодать?

АГНЕС. Не знаю.

МАТЬ М. А как думаешь?

АГНЕС. Потому что я стала толстая.

МАТЬ М. Господи боже!

АГНЕС. Это правда. На мнеросло много мяса.

МАТЬ М. Агнес...

АГНЕС. Толстая, как свинья.

МАТЬ М. ...какая разница, толстая ты или худая?

АГНЕС. Есть разница.

МАТЬ М. В монастыре необязательно быть привлекательной.

АГНЕС. Обязательно. Я должна быть привлекательной для Бога.

МАТЬ М. Он любит тебя такой, какая ты есть.

АГНЕС. Нет. Бог ненавидит толстых.

МАТЬ М. Кто тебе это сказал?

АГНЕС. Быть толстой – грех.

МАТЬ М. Почему?

АГНЕС. Посмотрите на статуи. Они худые.

МАТЬ М. Агнес...

АГНЕС. Они худые, потому что страдают. Красота только в страдании. Я хочу быть красивой.

МАТЬ М. Кто тебе все это наговорил?

АГНЕС. В Библии Христос сказал: «Дайте детям страдать, ибо их – Царствие Небесное». Я хочу страдать, как дитя.

МАТЬ М. Там сказано совсем... [иное!]

АГНЕС. Я дитя, но мое тело растет и растет. Я не хочу расти, не хочу быть толстой, толстым не протиснуться на небеса.

МАТЬ М. Агнес, дорогая, в раю ворота! Тебе распахнут ворота!

АГНЕС. *(обхватив неспрятанной ладонью грудь)* Смотрите, сколько мяса. Я должна похудеть.

МАТЬ М. *(тянется обнять АГНЕС)* Моя милая.

АГНЕС. *(отшатывается)* Я слишком толстая! Как свинья. Еще чуть-чуть – и лопну. Богу такая не нужна. Она так говорит.

МАТЬ М. Кто?

АГНЕС. Мама! Я буду толстеть, толстеть и однажды лопну! Но если я останусь маленькой, Бог меня спасет.

МАТЬ М. Тебе так мама говорит? Сейчас? *(пауза)* Агнес, детка, твоя мама умерла.

АГНЕС. Но она смотрит. Слушает.

МАТЬ М. Забудь этот бред. Теперь твоя мать – я, и я хочу, чтобы ты ела.

АГНЕС. Я не голодна.

МАТЬ М. Ты должна что-нибудь съесть, Агнес.

АГНЕС. Я ем облатку на причастии.

МАТЬ М. Голубушка, организму нужно больше питательных веществ, облатка слишком мала.

АГНЕС. В облатке есть Бог.

МАТЬ М. Да, это Божья плоть.

АГНЕС. Мама тоже ела облатки. Значит, Бог – мой отец?

МАТЬ М. Духовный отец.

АГНЕС. Она говорит – отец. Но я не все слова понимаю. Еще она говорит, что, когда Бог дарит нас матерям, Он раскладывает нас в такие свертки по три с половиной кило.

МАТЬ М. Милая...

АГНЕС. Мне снова нужно весить три с половиной кило, мать Мириам.

МАТЬ М. Ты столько и весишь, даже без половины. Иди сюда.
(протягивает руки, чтобы обнять АГНЕС, но та уклоняется от объятия, по-прежнему пряча одну руку под рясой, и МАТЬ МИРИАМ обращает на это внимание) Что с рукой?

АГНЕС. Наказание.

МАТЬ М. За что?

АГНЕС. Не знаю.

МАТЬ М. Какое наказание? *(АГНЕС показывает руку, обмотанную окровавленным платком)* Что случилось? *(АГНЕС разворачивает платок)* Боже милостивый!

АГНЕС. Кровь пошла сегодня утром, и я не могу ее остановить. За что, мать Мириам? Почему я?

МАРТА. Как долго длилось кровотечение?

МАТЬ М. К утру прошло.

МАРТА. Потом повторялось?

МАТЬ М. Насколько я знаю – нет.

МАРТА. И вы не отправили ее к врачу?

МАТЬ М. В этом не было нужды. Главное, что она снова начала есть.

МАРТА. Главное?! Впихнуть в глотку немного еды, и ей станет лучше?

МАТЬ М. Конечно нет. Послушайте, я понимаю, что вы ставите ей диагноз «истерия». Классическая истерия.

МАРТА. Нет, не классическая.

МАТЬ М. Я видела рану. Сквозную, через ладонь. Думаете, это результат истерии?

МАРТА. Стигматы известны много веков — Агнес тут не уникальна. Просто очередная жертва экзальтации.

МАТЬ М. Да. Она и ее невинность принесены в жертву Богу. Она принадлежит Богу.

МАРТА. И теперь вы боитесь, что я заберу ее у Бога, так?

МАТЬ М. Если угодно.

МАРТА. Что ж, я смотрю на это иначе. И хочу пробудить ее разум. Раскрыть его...

МАТЬ М. Миру?

МАРТА. Ей самой. Чтобы она исцелилась.

МАТЬ М. Ваша задача не исцелить, а поставить диагноз.

МАРТА. У нас разные мнения...

МАТЬ М. А мнение судьи...

МАРТА. Ваше мнение я поняла. Но я хочу ей помочь ей любым способом.

МАТЬ М. Тут вы не врач, а работник суда. Вам надлежит не вмешиваться в судопроизводство, а принять решение о ее вменяемости, причем как можно быстрее. Это мнение судьи, не мое.

МАРТА. Не как можно быстрее, а насколько возможно быстро. Я пока решение не приняла.

МАТЬ М. Если вы так печетесь об Агнес — примите решение побыстрее и отпустите ее.

МАРТА. Вернуть дело в суд?

МАТЬ М. Да.

МАРТА. И что тогда? Если я скажу, что она безумна, ее отправят в лечебницу. Если я скажу, что она в здравом уме, ее посадят.

МАТЬ М. Временное помешательство? Не годится?

МАРТА. Ну, такой диагноз на поверхности: если десятилетней девочке мерещатся истекающие кровью женщины, а спустя одиннадцать лет она душит младенца, это помешательство. Однако, сестра, тут дело посложнее.

МАТЬ М. Чем дольше вы будете принимать решение, тем труднее будет Агнес.

МАРТА. Почему?

МАТЬ М. Потому что за двадцать один год она не знала этот мир ни единого дня. Нынешний опыт ее разрушает.

МАРТА. По-вашему, чем раньше она окажется в тюрьме, тем лучше?

МАТЬ М. Я надеюсь, что при любом приговоре судья позволит ей отбыть наказание в монастыре.

МАРТА. *(после паузы)* Что ж, посмотрим.

МАТЬ М. Вы не позволите ей вернуться... [в монастырь?]

МАРТА. Я бы не стала возвращать ее к источнику ее проблемы.

МАТЬ М. Не вам решать, где Агнес будет отбывать свой... [срок.]

МАРТА. Суд мои рекомендации учтет.

МАТЬ М. Вы хотите упечь ее в тюрьму!

МАРТА. Если бы я считала, что она виновна в умышленном убийстве, я бы так и сделала.

МАТЬ М. Ага, значит в психушку?

МАРТА. Если бы я считала, что это ей поможет...

МАТЬ М. Это ее убьет.

МАРТА. Сомневаюсь.

МАТЬ М. Я борюсь за жизнь этой девочки, а не за приговор.

МАРТА. А вы боролись за ее жизнь, когда даже не отправили ее к врачу?

МАТЬ М. Что?

МАРТА. У нее была сквозная дыра в ладони! Она могла истечь кровью! И вы не отправили ее в больницу! Девочка могла умереть, и все из-за каких-то нелепых... [иррациональных заблуждений.]

МАТЬ М. Но она же не умерла?! (*пауза*) Если бы рану увидел кто-то, кроме меня, Агнес мгновенно стала бы общественным достоянием. Газеты, психиатры, насмешки. Она этого не заслуживает.

МАРТА. Зато сейчас она хлебнет этого сполна.

МАТЬ М. Да. Уже хлебает.

*МАТЬ МИРИАМ выходит.
Слышно пение АГНЕС.
На фоне пения начнется монолог МАРТЫ.*

АГНЕС. Credo in unum Deum, Patrem omnipotentem, factorem coeli et terrae visibilium omnium et invisibilium. Et in unum Dominum Jesum Christum, Filium Dei unigenitum. Et ex Patre natum ante omnia saecula. Deum de Deo, lumen de lumine, Deum verum de Deo vero. Genitum, non factum, consubstantialem Patri: perquem omnia facta sunt. Qui propter nos homines, et descendit de coelis. Et incarnatus est de Spiritu Sancto ex Maria Virgine: Et Homo Factus Est.

МАРТА. Как ужасно мы ругались... мы с мамой. Однажды я заявила, что Бог — это идиотская сказка и смерть Марии я ему не прощу. Мама дала мне пощечину: «Не смей так со мной разговаривать?» Словно я не на Бога наехала, а ее саму оклеветала. Сразу после колледжа я связалась с одним французом, намного старше меня. Мама его презирала, а я обожала — из чувства противоречия. Из-за него мы орали друг на друга до хрипоты. (*смеется*) Кстати, я о нем вообще не вспоминаю. Мы не виделись с тех пор, как... короче, я оказалась беременна, но была не готова... повторять собственную мать. А Морис, кстати, был готов к ребенку... (*пауза*) Нет, я не жалею о том, что сделала. Я никогда не была набожна — первые сомнения возникли лет в шесть, — а после смерти Марии я вообще бежала от религии и ее идиотских установок со всех ног. В итоге я научилась со своим гневом

жить, порой даже забывала о нем... пока она не вошла ко мне в кабинет... и с того прекрасного момента я каждый раз смотрю на нее, как зачарованная... (*пауза*) Мария. Мария.

АГНЕС. Что, доктор?

МАРТА. Агнес, скажи, как ты относишься к детям?

АГНЕС. Ой, не люблю я их. И боюсь. Боюсь уронить. У них есть такое мягкое место на голове, и – если их уронить головой вниз – они станут глупыми. Меня так и уронили. Навсегда глупой осталась.

МАРТА. С чего ты взяла?

АГНЕС. С числами путаюсь. Они все время убегают. Можно всю жизнь считать, а конца не видно.

МАРТА. Я с числами тоже не дружу. Думаешь, я тоже головой ударилась?

АГНЕС. Нет-нет, надеюсь, с вами все хорошо. Ведь это такое горе — если в детстве уронили... А я не только с числами путаюсь, я вообще тупая.

МАРТА. Например?

АГНЕС. Вообще ничего не понимаю. Просыпаюсь, а мир кружится, уплывает. Ни секундочки на месте не постоит.

МАРТА. И что ты тогда делаешь?

АГНЕС. С Богом разговариваю. С ним не страшно.

МАРТА. Поэтому ты стала монахиней?

АГНЕС. Наверное. Я бы без Бога жить не смогла.

МАРТА. Разве Бог есть только в монастыре? А другие религии? А жизнь в миру?

АГНЕС. Не знаю.

МАРТА. А я бы могла с Ним поговорить, как думаешь?

АГНЕС. А вы попробуйте. Только не знаю, станет ли Он вас слушать.

МАРТА. Почему не станет?

АГНЕС. Потому что вы Его не слушаете.

МАРТА. Агнес, ты когда-нибудь хотела уйти из монастыря? Чем-то другим заняться?

АГНЕС. Нет, ни за что. Да такого хорошего места и нет больше. В монастыре я счастлива. И спать по ночам могу.

МАРТА. У тебя проблемы со сном?

АГНЕС. Голова часто болит. У мамы тоже болела. Она гасила свет, клала мокрую тряпку на глаза и говорила мне: уйди. Но она не была глупой. Наоборот, она была очень умной. Всё знала. Даже такое, чего никто не знал.

МАРТА. Что например?

АГНЕС. Будущее. Она знала, что меня ждет, вот и спрятала подальше. А я не спорила. Мне не очень нравилась школа. Мне нравилось быть с мамой. Она рассказывала мне всякие вещи. И про монастырь рассказала – что я туда поступаю. Так и случилось. И про это она тоже знала.

МАРТА. Про что – про это?

АГНЕС. Про это.

МАРТА. Про меня?

АГНЕС. Про это.

МАРТА. Как она узнала... об этом?

АГНЕС. Кто-то ей сказал.

МАРТА. Кто?

АГНЕС. Не знаю.

МАРТА. Агнес.

АГНЕС. Вы смеяться будете.

МАРТА. Не буду, обещаю. Кто ей сказал?

АГНЕС. Ангел. Когда у нее очень сильно болела голова. Еще до моего рождения.

МАРТА. Твоя мама часто видела ангелов?

АГНЕС. Нет. Только когда голова болела. И то не всегда.

МАРТА. А ты видишь ангелов?

АГНЕС. *(поспешно)* Нет.

МАРТА. Ты веришь, что мама их вправду видела?

АГНЕС. Нет. Но ей нельзя было об этом говорить.

МАРТА. Почему?

АГНЕС. Она бы рассердилась. И наказала меня.

МАРТА. Как именно?

АГНЕС. Она бы... ну просто... наказала.

МАРТА. Ты любила маму?

АГНЕС. Да. Очень.

МАРТА. А сама ты хотела бы стать мамой?

АГНЕС. Я не смогу.

МАРТА. Почему нет?

АГНЕС. Я же не взрослая. Да и не хочу я никаких детей.

МАРТА. Почему?

АГНЕС. Потому что не хочу.

МАРТА. А если бы хотела, ты бы откуда взяла ребенка?

АГНЕС. Я бы взяла приемного.

МАРТА. Где же берут приемного?

АГНЕС. В агентстве.

МАРТА. А в агентство он как попадает?

АГНЕС. От того, кто не хочет ребенка.

МАРТА. Как ты?

АГНЕС. Нет! Не как я.

МАРТА. Но откуда возьмется ребенок, если человек этого ребенка не хочет?

АГНЕС. По ошибке возьмется.

МАРТА. Как ты у мамы?

АГНЕС. Ошибка! Это была ошибка!

МАРТА. Это ее слова?

АГНЕС. Думаете – она была плохой? Ненавидела меня, не хотела меня? Но это неправда, я так никогда не скажу, потому что она меня любила, и она была хорошей, святой, и она меня хотела. Вы не желаете слышать о ней ничего доброго — вас интересует только ужасное!

МАРТА. Агнес, ты, правда, ничего не знаешь о том, откуда берутся дети? Что-то не верится...

АГНЕС. Но я же тупица, что с меня взять?

МАРТА. ...и я не верю, что ты не знаешь, кто отец твоего ребенка...

АГНЕС. Они выдумали ребенка!

МАРТА. ...что ты не помнишь момент зачатия...

АГНЕС. Я не виновата!

МАРТА. ...что ты не понимала, что у тебя в животе ребенок!

АГНЕС. Это была ошибка!

МАРТА. Что, ребенок?

АГНЕС. Все! У монахинь не бывает детей!

МАРТА. *(протягивает к ней руки)* Агнес...

АГНЕС. Не трогай меня! Не прикасайся ко мне так! *(набрасывается на МАРТА)* Я знаю, чего ты хочешь! Ты хочешь забрать у меня Бога. Как тебе не стыдно! Тебя саму надо за решетку! Вы все нелюди!

Как только АГНЕС выходит, вступает МАТЬ МИРИАМ.

МАТЬ М. Вы нас ненавидите, да?

МАРТА. Что? Кого?

МАТЬ М. Монахинь. Вы ненавидите монахинь.

МАРТА. О чем вы?

МАТЬ М. Значит, вообще всех католиков поголовно.

МАРТА. Я ненавижу невежество и глупость.

МАТЬ М. И католическую церковь.

МАРТА. Я ничего имею против...

МАТЬ М. Вы с живым человеком имеете дело! Не с институцией.

МАРТА. Зато сама институция чертовски сильно влияет на... [живого человека.]

МАТЬ М. Тут судят Агнес, а не католицизм. Забудьте свои предубеждения или передайте дело... [другому психиатру.]

МАРТА. (*гневно*) Как вы смеете врывать ко мне в кабинет и учить меня, как вести дело? МАТЬ М. Это и мое дело.

МАРТА. (*перебивает*) ... Как вы смеете меня шантажировать...

МАТЬ М. Я только прошу, чтобы...

МАРТА. ... или запугивать, или что вы там пытаетесь сделать? Кем вы себя возомнили? Думаете, я вам аплодировать стану после того, как вы обошлись с этой крошкой?

МАТЬ М. Она не крошка.

МАРТА. Вот именно! И она имеет право знать! Что существует мир, что в этом мире полно людей, которые не верят в Бога, высоконравственных, достойных людей! Которые никогда не преклоняют колен — ни перед кем. Которые влюбляются, рожают детей и даже изредка бывают счастливы. Агнес имеет право это знать. Но вы и ваша церковь рады ее невежеству... .

МАТЬ М. Мы вряд ли способны уберечь от знания того, кто... [хочет узнать.]

МАРТА. ...невежество и невинность, вот ваши козыри! Нищета, невинность и невежество — вы ими кормитесь.

МАТЬ М. Я не девственница, доктор. Я была замужем двадцать три года. Две дочери. Даже внуки есть. Удивлены? (*пауза*) Ликуйте: я была никудышной женой и никудышной матерью. Возможно потому, что я своих дочерей не оберегала. Из утробы они сразу шагнули в ваш

высоконравственный мир. И они больше не желают меня видеть. Это их месть. Обе они – убежденные атеистки. Кажется, их друзья считают, что я умерла. Только не говорите, что с Агнес я пытаюсь исправить ошибки прошлого, доктор Фрейд.

МАРТА. Вы можете ей помочь.

МАТЬ М. Я помогаю.

МАРТА. Нет, вы квохчете над ней, как насадка. Оберегаете от мира.

МАТЬ М. От вас.

МАРТА. А зачем?

МАТЬ М. Какая от вас польза? Ваш вердикт – либо тюрьма, либо психушка, и разница между ними невелика.

МАРТА. Есть другая опция.

МАТЬ М. Какая?

МАРТА. Ее могут оправдать.

МАТЬ М. Каким образом?

МАРТА. За отсутствием состава преступления. Судья и рад бы не доводить дело до суда.

МАТЬ М. *(после паузы)* Что для этого нужно?

МАРТА. Ответы.

МАТЬ М. Спрашивайте.

МАРТА. Когда сестра Агнес забеременела?

МАТЬ М. Около года назад.

МАРТА. Мужчины в это время в монастыре бывали? Какие-нибудь рабочие? Строители? Священники?

МАТЬ М. Нет. В тот период был только один случай... О Господи!

МАРТА. Что?

МАТЬ М. Простыни.

МАРТА. Что с простынями?

МАТЬ М. Как же я не связала... Господи!

МАРТА. Да о чем вы?!

МАТЬ М. Ее простыни. Они исчезли. Мне пожаловалась одна из сестер. Я позвала Агнес. (*Появляется АГНЕС*) Сестра Маргарет говорит, что ты спишь на голом матрасе. Это правда?

АГНЕС. Да, мать Мириам.

МАТЬ М. Почему?

АГНЕС. В средние века монахини и монахи спали в своих гробах.

МАТЬ М. Средние века в прошлом, сестра.

АГНЕС. Они становились ближе к Богу.

МАТЬ М. К радикулиту и бессоннице. Кто плохо спит, тот плохо работает.

АГНЕС. Да, мать Мириам.

МАТЬ М. Сестра, где твои простыни? (*пауза*) Ты действительно веришь, что сон на голом матрасе приблизит тебя к Богу?

АГНЕС. Нет.

МАТЬ М. Тогда объясни, где простыни?

АГНЕС. Я их сожгла.

МАТЬ М. Почему?

АГНЕС. Они запачкались.

МАТЬ М. Сестра, как втемяшить в твою башку и во все ваши непробиваемые башки: менструация — совершенно естественный процесс, этой крови не надо стыдиться!

АГНЕС. Да, мать Мириам.

МАТЬ М. Повтори.

АГНЕС. Это совершенно естественный процесс, этой крови не надо стыдиться.

МАТЬ М. Ты повторяешь, но не веришь.

АГНЕС. Это совершенно... *(начинает плакать)*

МАТЬ М. Несколько лет назад одна из наших сестер пришла ко мне в слезах – просить утешения. Она печалилась, что слишком стара, чтобы иметь детей. Детей-то она заводить не собиралась, но раз в месяц природа напоминала ей о возможности материнства. Так что вытри глаза, сестра, и благодари Бога, что он пока не лишил тебя этой возможности.

АГНЕС. Это было не то. Не то.

МАТЬ М. Что – не то?

АГНЕС. Это не мое время для месячных.

МАТЬ М. Может, врачу покажемся?

АГНЕС. Не знаю. Я не знаю, что случилось. Я проснулась, а на простынях кровь. Не понимаю, как это вышло. Я не знаю, что я сделала не так, в чем провинилась, за что наказана.

МАТЬ М. Наказана? За что?

АГНЕС. Не знаю!

МАТЬ М. Сестра?

АГНЕС. Я не знаю! Не знаю!

МАТЬ М. Агнес?

АГНЕС. Я не знаю.

МАТЬ М. Спой что-нибудь, а? Давай вместе споем? Твою любимую?
(поет) «У Девы Марии родился малыш»

АГНЕС. Я не...

МАТЬ М. Oh, oh, pretty little baby, / Oh, oh, oh, pretty little baby...

АГНЕС. Я не знаю.

МАТЬ М. Glory be to the new-born King.

АГНЕС. Я не знаю.

МАТЬ М. Some call him Jesus, / I think I'll call him Savior...

МАТЬ М И АГНЕС. Oh, oh, I think I'll call him Savior, / Oh, oh, oh, I think I'll call him Savior, / Glory be to the new-born King.

АГНЕС. *(поет уже одна и выходит)* Virgin Mary had one Son, / Oh, oh, pretty little baby, / Oh, oh, oh, pretty little baby, / Glory be to the new-born King.

МАТЬ М. Я отпустила ее, она ушла к себе. Вполне успокоилась. Сказала, что чувствует себя хорошо, что врач ей не нужен. Но как же я не догадалась?!

МАРТА. О чем?

МАТЬ М. Тогда это и началось. Той ночью. Поэтому она и сожгла простыни.

МАРТА. Что еще вы помните о той ночи?

МАТЬ М. Я даже точно не знаю, которая именно ночь.

МАРТА. А можете восстановить?

МАТЬ М. Я каждый день веду записи.

МАРТА. Вот и проверьте – вдруг в те дни в монастыре было что-то необычное?

МАТЬ М. Я посмотрю в ежедневнике.

МАТЬ МИРИАМ выходит.

МАРТА. К этому времени я была убеждена, что Агнес невиновна. Я полагала, что ее ребенка убил кто-то другой. Кто этот другой и как все это доказать, я совершенно не представляла. Но у меня появилась миссия: освободить Агнес. То есть юридически доказать ее невиновность и каким-то образом ее вылечить.

Появляется АГНЕС.

АГНЕС. Я не больна!

МАРТА. Но на душе у тебя беспокойно, так?

АГНЕС. Потому что вы мне все время напоминаете. Без вас я забуду и успокоюсь.

МАРТА. Тебе тяжело.

АГНЕС. Всем тяжело! Вот вам ведь тоже тяжело, правда?

МАРТА. Агнес.

АГНЕС. Правда?

МАРТА. Иногда... да, бывает.

АГНЕС. Только вы думаете, что вам повезло, потому что у вас не было такой мамы, как у меня... да, она говорила и делала всякое – возможно, не всегда хорошее, но вы думаете, что она была ужасная, вы просто не знаете, что у меня была замечательная мама, вы просто не хотите в это верить. Так?

МАРТА. Агнес.

АГНЕС. Ответьте мне! Вы никогда не отвечаете!

МАРТА. Да, я действительно думаю, что твоя мама иногда ошибалась.

АГНЕС. Но это было из-за меня! Потому что я плохая, а не она!

МАРТА. Что ты делала не так?

АГНЕС. Я всегда все делаю плохо.

МАРТА. Что именно?

АГНЕС. *(в слезах)* Не скажу!

МАРТА. Что ты делаешь не так?

АГНЕС. Я дышу!

МАРТА. Что твоя мать с тобой делала? *(АГНЕС мотает головой)* Если не можешь говорить, просто кивни – «да», или покачай головой – «нет». Она тебя била?

АГНЕС. «Нет»

МАРТА. Она заставляла тебя делать то, чего ты делать не хотела!

АГНЕС. «Да».

МАРТА. Тебе было неприятно это делать?

АГНЕС. «Да».

МАРТА. Тебе было стыдно?

АГНЕС. «Да».

МАРТА. Тебе было больно?

АГНЕС. «Да».

МАРТА. Что она заставляла тебя делать?

АГНЕС. Не скажу.

МАРТА. Ты можешь мне все рассказать.

АГНЕС. Не могу.

МАРТА. Но ведь она уже умерла, помнишь?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Она больше не причинит тебе боль.

АГНЕС. Причинит.

МАРТА. Как?

АГНЕС. Она смотрит, слушает.

МАРТА. Агнес, я в это не верю. Расскажи мне. Я тебя защищу.

АГНЕС. Она...

МАРТА. Да, говори, не бойся...

АГНЕС. Она... заставляет меня... раздеться и потом...

МАРТА. Да?

АГНЕС. ...она... надо мной смеется.

МАРТА. Говорит, что ты уродка?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Что ты тупица?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Что ты ошибка?

АГНЕС. Она говорит... что все мое тело... ошибка.

МАРТА. Почему?

АГНЕС. Потому что... если я не буду осторожна... у меня будет ребенок.

МАРТА. Откуда она это знает?

АГНЕС. Из головной боли.

МАРТА. О, да.

АГНЕС. А потом... она меня трогает.

МАРТА. Где?

АГНЕС. Там внизу. *(пауза)* Тычет в меня сигаретой. *(пауза)* Мамочка, пожалуйста, не трогай, не трогай меня так. Я буду хорошая. Я больше не буду плохой девочкой.

МАРТА. *(после паузы)* Агнес, дорогая, давай кое-что сделаем. Давай притворимся, что я твоя мама. Я знаю, что она умерла и теперь ты взрослая, но я хочу, чтобы ты ненадолго притворилась, что твоя мама ожила. Я – твоя мама. А ты мне будешь говорить, что чувствуешь. Договорились?

АГНЕС. Мне страшно.

МАРТА. *(сжимает лицо АГНЕС, смотрит ей в глаза)* Пожалуйста. Я хочу тебе помочь. Позволь тебе помочь.

АГНЕС. *(после паузы)* Хорошо.

МАРТА. Агнес, ты уродка. Что ты на это ответишь?

АГНЕС. Не знаю.

МАРТА. Конечно, знаешь. Агнес. Ты уродка. *(пауза)* Возразишь?

АГНЕС. Нет я не уродка.

МАРТА. Ты красивая?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Агнес, ты тупица.

АГНЕС. Нет я не тупица.

МАРТА. Ты умная?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Агнес, ты – ошибка.

АГНЕС. Я не ошибка! Я же здесь! Как я могу быть ошибкой, если я родилась? Бог не делает ошибок. Это ты ошибка! Я хочу, чтобы ты умерла!

МАРТА. *(после паузы)* Все правильно. Это понарошку, понимаешь? *(АГНЕС кивает)* Спасибо. *(АГНЕС плачет, МАРТА ее обнимает)* Агнес, у меня к тебе просьба... Если не захочешь, можешь сказать «нет».

АГНЕС. Какая просьба?

МАРТА. Позволь тебя загипнотизировать.

АГНЕС. Зачем?

МАРТА. Мы обе знаем, что о некоторых вещах тебе трудно говорить. Под гипнозом будет легче.

АГНЕС. А мать Мириам об этом знает?

МАРТА. Мать Мириам очень тебя любит, и я тоже тебя люблю. Я уверена, что она не стала бы возражать, мы обе хотим тебе... [помочь.]

АГНЕС. Вы меня, правда, любите? Или просто так сказали?

МАРТА. Правда.

АГНЕС. Так же сильно, как мать Мириам?

МАРТА. *(после паузы)* Так же сильно, как тебя любит Бог.

АГНЕС. *(после паузы)* Хорошо. Гипнотизируйте.

МАРТА. Спасибо.

*МАРТА обнимает АГНЕС.
Входит МАТЬ МИРИАМ и молча наблюдает за ними.*

МАТЬ М. Я принесла ежедневник.

МАРТА. Агнес, можешь идти.

*АГНЕС кланяется МАТЕРИ МИРИАМ
и, получив ее благословение, уходит.
МАРТА закуривает.*

МАТЬ М. Что-нибудь выяснили?

- МАРТА. Некоторые факты о ее матери.
- МАТЬ М. Она не была нездорова – и физически, и психически.
- МАРТА. Вы ее знали?
- МАТЬ М. Мы переписывались незадолго до ее смерти.
- МАРТА. Сколько лет было Агнес, когда умерла мать?
- МАТЬ М. Семнадцать.
- МАРТА. Почему ее послали к вам?
- МАТЬ М. По просьбе матери.
- МАРТА. Почему не к ближайшим родственникам?
- МАТЬ М. Мать Агнес была моей младшей сестрой.
- МАРТА. *(после паузы)* Так вы мне солгали!
- МАТЬ М. О чем?
- МАРТА. Вы сказали, что никогда прежде не видели Агнес.
- МАТЬ М. Я и не видела. Я была намного старше сестры. Даже замуж успела выйти до ее рождения. А она была крайне нестабильна, с самого детства. Еще подростком сбежала из дома. Мы потеряли с ней связь. Когда мой муж умер и я ушла в монастырь, она начала писать мне письма. Рассказала мне об Агнес и попросила позаботиться о девочке, если с ней что-нибудь случится.
- МАРТА. А отец у Агнес есть?
- МАТЬ М. Со слов сестры, отцов могла быть целая дюжина. Сестра боялась, что Агнес пойдет по ее стопам. И сделала все, чтобы это предотвратить.
- МАРТА. Оставив без образования.
- МАТЬ М. Да.
- МАРТА. Внимая ангелам.
- МАТЬ М. Сестра пила. И наркоманила. Это ее и убило.
- МАРТА. Вы знаете, как она обращалась с Агнес?

МАТЬ М. И знать не желаю.

МАРТА. Она ее домогалась.

МАТЬ М. Господи помилуй.

МАРТА. В этой истории слишком много тайн. Липких секретов. Покопаешься в грязном белье, а там – ой, кто это? Племянница.

МАТЬ М. Я не думала, что родство что-то меняет, поэтому не сказала.

МАРТА. Не меняет, но возлагает на вас двойную ответственность, верно?

МАТЬ М. Но я не знала, что Агнес так страдает...

МАРТА. А почему не выяснили?! Вы же знали, что сестра не пускает ребенка в школу. Что она алкоголичка...

МАТЬ М. Я узнала позже...

МАРТА. Почему вы ничего не сделали, чтобы это прекратить?!

МАТЬ М. Я не знала! (*пауза*) Впрочем, по-вашему, это не оправдание...

МАРТА. В ежедневнике что-то нашлось?

МАТЬ М. Агнес рассказала мне о простынях в понедельник. А накануне, в воскресенье, она болела. Если допустить, что она сожгла их именно в воскресенье, то запачкались они, вероятно, в ночь на воскресенье. Записи о посещениях нет. В ту ночь как раз скончалась одна из наших старейших монахинь. Я была у постели умирающей.

МАРТА. Эту старушку соборовали?

МАТЬ М. Да, конечно.

МАРТА. То есть, отец Маршалл должен был присутствовать?

МАТЬ М. Да, но я не верю... [что отец Маршалл мог это сделать.]

МАРТА. Но кто-то же сделал ей ребенка! Если это был не отец Маршалл, то кто? (*пауза*) Ничего, скоро узнаем. Агнес разрешила ее загипнотизировать.

МАТЬ М. Но я не разрешаю!

МАРТА. Разве у вас есть такое право?

- МАТЬ М. Я ее опекун.
- МАРТА. Ей двадцать один год – какой еще опекун?
- МАТЬ М. Она обязана испросить разрешения.
- МАРТА. И вы намерены ей запретить?
- МАТЬ М. Я еще не решила.
- МАРТА. Ее здоровью был нанесен вред.
- МАТЬ М. Меня волнует прежде всего здоровье её души.
- МАРТА. Вам плевать на тело, а мне на душу!
- МАТЬ М. Еще бы.
- МАРТА. Ага! Огласите приговор и покончим с этим – вы этого ждете! Не дождетесь. Пока рано.
- МАТЬ М. Оставьте ее в покое. Она прекрасна...
- МАРТА. Она несчастна.
- МАТЬ М. Но с нами она была счастлива. И снова будет счастлива, если ее оставят в покое.
- МАРТА. Тогда какого черта вы вообще вызвали полицию? Почему не бросили ребенка в печь? Все были бы счастливы!
- МАТЬ М. Потому что у меня есть моральные устои.
- МАРТА. Засунь свои устои в задницу!
- МАТЬ М. А ты свои!
- МАРТА. Католическая церковь не знает морали.
- МАТЬ М. Это кто здесь говорит о католической церкви?
- МАРТА. Вы сами только что...
- МАТЬ М. А к вам она какое, на хрен, имеет отношение?
- МАРТА. Никакого. Совершенно... [никакого.]
- МАТЬ М. Не отрицайте. Я бывшего католика за версту чую. Чем мы провинились? Сожгли пару-тройку еретиков? Продали пару-тройку

индульгенций? Но в те времена Церковь была органом власти. Сегодня правительства делают ровно то же самое.

МАРТА. Просто потому, что у вас нет прежней власти...

МАТЬ М. Доктор, Церковь как орган власти меня не интересует. В ней хороша ее простота и покой. В наше время такого больше нигде не найти. Но все же признайтесь: чем вам досадила Церковь? Хотели лизаться на заднем сиденье машины лет в пятнадцать, а Церковь говорила, что это грех? И с тех самых пор...

МАРТА. Дело не в сексе. В чем угодно, но только не в сексе. Это началось в первом классе. Мою лучшую подругу по дороге в школу сбила машина. Монахиня сказала, что она умерла, потому что утром не помолилась.

МАТЬ М. Идиотка.

МАРТА. Угу.

МАТЬ М. Это все?

МАРТА. Не все! Но вполне достаточно. Она была такая красивая... [и так объяснять ее смерть...]

МАТЬ М. Какая разница? Красивая-некрасивая?

МАРТА. Я не была красивая. И я тоже не молилась в то утро! (МАТЬ МИРИАМ смеется) Несмешно.

МАТЬ М. (посерьезнев) Да уж... (снова смеется, снова берет себя в руки) Простите. Значит, вы расстались с Церковью из-за одной дуры-монашки?

МАРТА. Нет, из-за... Хотя ладно: я расстались с Церковью из-за одной дуры-монашки. И знаете, что из этого вышло?

МАТЬ М. Что?

МАРТА. Я вас ненавижу.

МАТЬ МИРИАМ смеется.

Спустя мгновение МАРТА улыбается, затем невольно смеется.

Их смех прерывается пением АГНЕС.

АГНЕС. Sanctus, sanctus, sanctus, Dominus Deus Sabaoth. Pleni sunt coeli et terra gloria tua. Hosanna in excelsis. Benedictus qui venit in nomine Domini. Hosanna in excelsis.

Разговор продолжается на фоне пения.

МАРТА. Почему для вас так важно ее пение, ее голос?

МАТЬ М. В детстве я разговаривала со своим ангелом-хранителем. Нет-нет, я не утверждаю, будто слышала чудесный трубный глас, но... У некоторые дети играют с невидимыми друзьями, а я вела разговоры с ангелом. Лет до шести. Пока мой ангел не замолчал. Я выросла, влюбилась, вышла замуж, овдовела, ушла в монастырь. Но как моряк помнит море, я помнила голос ангела. Потом меня избрали настоятельницей. Вскоре после этого я посмотрела на себя в зеркало и увидела осколки женщины, пережившей несчастливый брак, мать двух злых дочерей, монахиню, которая ни во что не верит. Даже в Бога, доктор Ливингстон. Даже в Бога. *(АГНЕС продолжает петь)* Однажды вечером я гуляла на лугу под монастырской стеной, услышала этот голос и подняла глаза. Агнес, наша новая послушница, стояла у окна и пела. Она была прекрасна. Все мои сомнения – в Боге и в себе – исчезли в тот же миг. Это был тот самый голос, из детства. *(пауза)* Не отнимайте его у меня снова, доктор Ливингстон. Годы без него были очень мрачными.

МАРТА. Моя сестра умерла в монастыре. И у меня в ушах ее голос.

АГНЕС перестает петь. Тишина.

МАРТА вынимает из пачки сигарету, ловит на себе взгляд МАТЕРИ.

МАРТА. Хотите?

МАТЬ М. *(после паузы)* С удовольствием.

Обе закуривают.

МАРТА. Сколько раз я пыталась бросить! Пустое дело. Считать сигареты бесполезно. Однажды решила схитрить – тратить меньше спичек. Успешно! Дошла до трех-четырех спичек в день. Думаете, я стала меньше курить? Ха! Наоборот, докурила – прикуриваю следующую, от окурка. Даже есть не могу без сигареты в руке. Мой рекорд – четырнадцать часов кряду от одной спички.

Обе смеются.

МАРТА. Как думаете, будь у святых под рукой табак, они бы курили?

МАТЬ М. Несомненно. Не аскеты, конечно, но... Святой Томас Мор курил бы... «Парламент». Он известный парламентарий.

Обе смеются.

МАРТА. Ага, а волхвы точно курили «кэмел», поскольку прибыли в Вифлеем на верблюдах.

МАТЬ М. Все апостолы, разумеется, крутят...

МАРТА. ...самокрутки.

МАТЬ М. И сам Христос крутит, хоть и не курит.

МАРТА. Святой Петр – вылитый ковбой с рекламы «Мальборо»... А что, по-вашему, курят нынешние святые?

МАТЬ М. Сегодня нет святых. Хорошие люди есть. Но чтоб Богом озарённые?

МАРТА. Вы верите, что они когда-то существовали, эти... озарённые?

МАТЬ М. Да.

МАРТА. А вы бы хотели стать святой?

МАТЬ М. Стать? Святой можно только родиться. Но не сегодня. Мы слишком сильно эволюционировали. Сложные мы очень.

МАРТА. Но ведь можно попробовать, да? Быть хорошим?

МАТЬ М. К святости это имеет очень мало отношения. Кстати, не все святые были хорошими. В основном, они были слегка безумны. Но Бог с самого рождения держал их сердца в ладонях. Как у Вордсворта – «Дитя озарено сиянием Божьим». Сейчас такие тоже изредка появляются, но их принимают за фриков. А фрикам здесь не место. Все мы солидные разумные мужчины и женщины, ноги на земле, деньги в банке, невинность растоптана. Мы смотрим в небо, а там «Ни Бога, ни рая, ни ада». Нам так лучше. Ни безумств, ни чудес. Я, голубушка, скучаю по чуду.

МАРТА. Вы верите в чудеса?

МАТЬ М. Конечно. Две тысячи лет назад чудо с хлебами и рыбами точно произошло. Просто в сегодняшнем мире ему не бывать. Мы обрели логику и утратили веру. Утратили первобытную способность удивляться. Ближе всего к чуду мы сегодня в постели. И ради этого готовы отказаться от всего – в том числе, от частичек Божьего сияния, которые все еще цепляются за наши души и могли бы вернуть нас к Богу.

МАРТА. Святые тоже знали плотскую любовь.

МАТЬ М. Конечно. Но с Богом они были связаны накрепко. А теперь связь – тоньше нити.

МАРТА. Вы верите, что у Агнес есть такая связь?

МАТЬ М. Послушайте, как она поет.

МАРТА. *(гасит сигарету)* Что ж, пора.

МАТЬ М. Что пора?

МАРТА. Начать сеанс гипноза. Вы по-прежнему против?

МАТЬ М. Это что-то меняет?

МАРТА. Нет.

МАТЬ М. Могу я присутствовать?

МАРТА. Разумеется.

МАТЬ М. *(гасит сигарету)* Тогда давайте начнем.

АНТРАКТ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

АГНЕС. *(noem)* Basiez moy, ma douce amye, Par amour je vous en prie Non feray. Et pour quoy? Se je faisoie la folie, Ma mere en seroit morrie. Vela de quoy, vela de quoy.

МАРТА. Гипнозом я овладела не вдруг. Тренировалась много недель, улучив час между пациентами – каким-нибудь kleptomаном и эксгибиционистом, – между обедом и ужином, между бессонными ночами. Занималась все выходные напролет. Но мои собственные воспоминания... как всплывут, как нахлынут... Никакой гипноз не нужен...

АГНЕС. Мне страшно!

МАРТА. Не бойся. Ты все будешь делать по своей воле. Заставить тебя сказать или сделать что-то против твоей воли я не могу. Сядь поудобнее и расслабься. Отлично. Теперь представь, что слушаешь хор ангелов. Музыка прекрасна и совершенно реальна – кажется, что ее можно потрогать. Она окружает тебя, ты словно плещешься в струях теплой воды. Она такая теплая... ты ее даже не замечаешь... все мышцы твоего тела растворяются в воде... вода прямо под подбородком... эта вода — музыка... ты в нее погружаешься, но дышишь свободно... дышишь глубоко... вода покрывает твой подбородок... рот... нос... глаза... закрой глаза, Агнес... Спасибо. Когда я досчитаю до трех, ты проснешься. Слышишь?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Кто я?

АГНЕС. Доктор Ливингстон.

МАРТА. Почему я здесь?

АГНЕС. Вы хотите мне помочь.

МАРТА. Хорошо. А почему ты здесь?

АГНЕС. Потому что у меня неприятности.

МАРТА. Какие? *(пауза)* Что у тебя за беда, Агнес?

АГНЕС. Я боюсь.

МАРТА. Чего ты боишься?

АГНЕС. Рассказать.

МАРТА. Но это легко. Просто выдыхай слова. Что у тебя за беда, Агнес?

АГНЕС. *(с трудом)* У меня был ребенок.

МАРТА. *(после паузы)* Откуда он взялся?

АГНЕС. Из меня. Родился.

МАРТА. Ты знала, что он должен родиться?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Ты хотела, чтобы он родился?

АГНЕС. Нет.

МАРТА. Почему?

АГНЕС. Я боялась.

МАРТА. Почему боялась?

АГНЕС. Потому что недостойна.

МАРТА. Быть матерью?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Почему?

АГНЕС начинает тихонько плакать.

АГНЕС. Можно открыть глаза?

МАРТА. Еще нет. Скоро, но пока нет. Ты знаешь, как ребенок попал в тебя? Внутрь?

АГНЕС. Он вырос.

МАРТА. Из чего он вырос? Знаешь?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Хочешь рассказать?

АГНЕС. Нет.

МАРТА. Когда он еще не вырос, ты знала, что у тебя внутри ребенок?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Откуда ты узнала?

АГНЕС. Я просто знала.

МАРТА. Ты кому-то сказала? Что-то сделала?

АГНЕС. Я пила много молока.

МАРТА. Зачем?

АГНЕС. Молоко полезно для младенцев.

МАРТА. Ты хотела, чтобы ребенок был здоров?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Тогда почему ты не пошла к врачу?

АГНЕС. Мне бы никто не поверил.

МАРТА. Что ты беременна?

АГНЕС. Нет, не то.

- МАРТА. Чему бы никто не поверил? (*пауза*) Агнес, кто-то, кроме тебя, знал о ребенке?
- АГНЕС. Да.
- МАРТА. Кто?
- АГНЕС. Не скажу.
- МАРТА. А ты сама рассказала или этот другой человек догадался?
- АГНЕС. Она догадалась.
- МАРТА. Одна из сестер-монахинь?
- АГНЕС. Да.
- МАРТА. Она рассердится, если ты скажешь мне ее имя?
- АГНЕС. Не скажу – она с меня клятву взяла.
- МАРТА. Хорошо, Агнес, через минуту я попрошу тебя открыть глаза. Ты откроешь глаза и увидишь свою комнату в монастыре. Но не сегодня, а четыре месяца назад, когда ты заболела. Примерно в шесть вечера.
- АГНЕС. Мне страшно.
- МАРТА. Не бойся. Я с тобой. Договорились?
- АГНЕС. Да.
- МАРТА. Итак, вечер. Что ты делаешь перед тем, как лечь спать?
- АГНЕС. Ем.
- МАРТА. Что ты ешь на ужин?
- АГНЕС. Рыбу. Брюссельскую капусту.
- МАРТА. Это невкусно?
- АГНЕС. Гадость.
- МАРТА. Что-то еще?
- АГНЕС. Кофе пью. Еще щербет дали на сладкое. Такое не каждый день дают.
- МАРТА. Ты ешь, а что потом?

АГНЕС. Мы встаем, убираем со стола и идем в часовню к вечерне.
(*морщится от боли*)

МАРТА. Что такое?

АГНЕС. Я уйду к себе. Мне нехорошо.

МАРТА. Как именно?

АГНЕС. Просто устала. Я пью молоко и ло...

МАРТА. Кто дал тебе молоко?

АГНЕС. Сестра Маргарет.

МАРТА. Сестра Маргарет знает о ребенке? (*пауза, АГНЕС расстроена*)
Ладно, Агнес, пойдем в твою комнату. Готова?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Теперь открой глаза. Перед тобой комната. Такая, как в тот вечер. Что ты видишь?

АГНЕС. Мою кровать.

МАРТА. Что еще есть в комнате?

АГНЕС. Стул.

МАРТА. Где он стоит?

АГНЕС. Вот здесь.

МАРТА. Что-то еще?

АГНЕС. Распятие.

МАРТА. Над кроватью?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Что-нибудь еще? (*пауза*) Агнес? Что ты видишь? Тебя что-то удивило?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Ты видишь то, чего обычно нет в комнате?

- АГНЕС. Да.
- МАРТА. Что именно?
- АГНЕС. Корзина. Мусорное ведро. (*пауза*)
- МАРТА. Ты знаешь, кто его принес?
- АГНЕС. Нет.
- МАРТА. А зачем?
- АГНЕС. Ну, вдруг меня стошнит...
- МАРТА. Тебе плохо?
- АГНЕС. Да.
- МАРТА. Что ты чувствуешь?
- АГНЕС. Живот болит. Режет. Будто стеклом. (*сжимает живот – у нее схватка*)
- МАРТА. Ты можешь как-то себе помочь?
- АГНЕС. Сейчас вырвет... (*наклоняется над ведром*) Не могу. (*опять схватка*) Там стекло! Стеклом толченым накормили!
- МАРТА. Кто накормил?
- АГНЕС. Не знаю кто. Они все завидуют.
- МАРТА. Чему завидуют?
- АГНЕС. Мне завидуют! (*схватка*) О Боже. Боже мой. Вода. Из меня вода течет!
- МАРТА. Почему никто не приходит?
- АГНЕС. Они меня не слышат.
- МАРТА. Почему?
- АГНЕС. Все на вечерне.
- МАРТА. Ты не можешь их позвать?
- АГНЕС. Не докричатся. Часовня как раз с другой стороны. (*схватка*) Не-е-ет, пожалуйста. Пожалуйста. Я не хочу. Не хочу!

МАРТА. Где ты сейчас?

АГНЕС. На кровати. *(сильная схватка)* О Боже. Боже мой. *(резко вдыхает)*

МАРТА. Что такое?

АГНЕС. Отойди от меня!

МАРТА. Кто здесь?

АГНЕС. Уходи! Иди прочь!

МАРТА. Кто еще в комнате? Агнес?

АГНЕС. Не трожь! Не трогай меня! Пожалуйста! Пожалуйста, не трогай! *(схватка)* Нет, я не хочу рожать. Я не хочу ребенка! Не заставляй!

Сильные схватки. АГНЕС кричит.

МАРТА. Не волнуйся, Агнес. Никто тебе плохого не хочет.

АГНЕС. Ты хочешь! Хочешь ребенку навредить! Ты хочешь забрать моего ребенка! *(сильная схватка)*

МАТЬ М. Прекратите! Она поранится!

МАРТА. Нет, пусть еще...

МАТЬ М. *(бросаясь к АГНЕС)* Я больше не...

МАРТА. Нет!!!

*Едва МАТЬ МИРИАМ до нее дотрагивается,
АГНЕС вскрикивает, бьет ее и отталкивает.*

АГНЕС. Ты хочешь забрать моего ребенка! Не отдам! *(крики, сильная схватка)* Не выходи! Пожалуйста, не выходи! *(несколько сильнейших финальных схваток)*

МАТЬ М. Остановите ее! Помогите ей!

АГНЕС. СУКА! Мама, я не виновата. ШЛЮХА! Это ошибка, мама. ВРЕШЬ!!!

МАРТА. Агнес, все-все. Один, два, три. Расслабься, все позади. *(АГНЕС расслабляется)* Это я, доктор Ливингстон. Все хорошо. Спасибо. Как ты себя чувствуешь?

АГНЕС. Мне страшно.

МАРТА. Конечно. Тебе бы и одного раза хватило, верно?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Ты помнишь, что только что видела?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Хорошо. Ты сможешь встать, сил хватит?

АГНЕС. Да. *(встает)*

МАРТА. Умница.

АГНЕС обнимает МАРТУ. Уходя, она начинает петь.

АГНЕС. Ave Maria, Gratia plena, Dominus tecum, Benedicta tu in mulieribus, Et benedictus fructus ventris tui, Jesu.

МАТЬ М. Теперь вы, наконец, пришли к заключению?

МАРТА. Она сильно травмирована, и по-хорошему ей нужна помощь.

МАТЬ М. Ваша работа сделана.

МАРТА. Что касается судебно-медицинской экспертизы, безусловно, но лично...

МАТЬ М. Лично?! Разве вас просили о личном участии в ее судьбе?

МАРТА. Но как тут остаться равнодушной?

МАТЬ М. Идите к черту. Ваше вмешательство на этом закончено. Если Агнес понадобится психиатр, мы его найдем.

МАРТА. И он будет задавать ей вопросы, которые вы одобряете.

МАТЬ М. Он сохранит объективность и уважение!

МАРТА. К Церкви?!

МАТЬ М. К Агнес.

МАРТА. Вы по-прежнему считаете, что мое вмешательство разрушит какую-то ее...

МАТЬ М. Она особенная, доктор.

МАРТА. Но не святая.

МАТЬ М. Я и не утверждаю, что она святая.

МАРТА. Но вы в это верите, да?

МАТЬ М. Я верю, что Господь озарил ее своим светом.

МАРТА. Докажите! Она поет — это что, уникально? У нее случаются галлюцинации, она не ест по многу дней, внезапно истекает кровью. Это и должно убедить меня в ее святости? Нет уж, предъявите чудо! Тогда я оставляю ее в покое.

МАТЬ М. *(пауза)* Отец...

МАРТА. Кто он?

МАТЬ М. А если его не было?

МАРТА. *(смеется)* Вы все безумцы, все ваше монашеское отродье.

МАТЬ М. Я не утверждаю, я лишь задаюсь вопросом.

МАРТА. Как это возможно?

МАТЬ М. Не знаю.

МАРТА. По-вашему, к ней в окно влетел большой белый голубь?

МАТЬ М. Нет, в это я не верю.

МАРТА. Ну да, звучит страшновато. Монахиня-истеричка остановила Второе пришествие.

МАТЬ М. Речь не о Втором пришествии, доктор Ливингстон. Не передёргивайте.

МАРТА. Но вы сами сказали, что отца не было.

МАТЬ М. Если — подчеркиваю, **если** — отца не было, это сойдет... пусть не за Чудо, но за непостижимое научное явление.

МАРТА. Не надейтесь, что я поверю подобной фигне.

МАТЬ М. Верить, не верить – ваше дело. Вы требовали Чуда, ну я и...

МАРТА. Для любого научного явления существует разумное объяснение.

МАТЬ М. На то и Чудо, его разумом не постичь. Неверующие, такие как вы, вечно требуют объяснений или попросту их создают.

МАРТА. Что вы несете?

МАТЬ М. Не все вопросы имеют ответы. А такие, как вы, вечно все передергивают. Хлебом не корми...

МАРТА. Это безумие.

МАТЬ М. Разум — замечательная вещь, доктор, и я это знаю не хуже вас. Но люди гнут ложки, останавливают часы, расщепляют надвое стрелы. Взглядом. Мы еще не начали исследовать возможности разума. Если девочка способна сделать дырку в ладони без молотка и гвоздя, почему бы ей не запустить процесс деления крошечной клетки у себя во чреве?

МАРТА. Истерический партеногенез? Вы об этом?

МАТЬ М. Партено – что?

МАРТА. Это когда самки низших форм жизни размножаются без партнера.

МАТЬ М. Я не говорю, что понимаю это с точки зрения биологии.

МАРТА. Ну, чем Агнес хуже лягушек?

МАТЬ М. Некоторые считают, что две тысячи лет назад некий человек родился без отца. Сегодня ни один разумный человек не примет это на веру. Мы ищем ответы, да, в этом суть любой науки, но посмотрите, как рассуждает наука. «Ангел явился женщине в луче света? Разумеется, это истерический партеногенез». Идиотское рассуждение! Да от таких ответов крыша едет! Неудивительно, что такие люди, как вы, не верят в чудеса.

МАРТА. Непорочное зачатие – ложь. Перепуганная жена наврала мужу-рогоносцу.

МАТЬ М. О, это правдоподобное объяснение. Вы это и ищите, верно? Правдоподобие! Но я считаю, что наука по природе своей сначала удивляется чуду, а потом задает вопросы. И важно, не получив ответа, продолжать удивляться чуду.

МАРТА. Мы обязаны искать ответы.

МАТЬ М. Только они не всегда находятся. В ту ночь в монастыре не было ни одного мужчины. И проникнуть внутрь никто не мог.

МАРТА. Вы утверждаете, что это сделал Бог.

МАТЬ М. Не утверждаю! С таким же успехом это мог сделать отец Маршалл. Я лишь говорю, что Бог это позволил.

МАРТА. Но как это произошло?

МАТЬ М. Не на все вопросы есть ответы, доктор. Чудо науки не в ответах, которые она дает, а в вопросах, которые она задает. На каждое чудо, которому нашлось объяснение, появляются еще десять тысяч чудес без ответов.

МАРТА. Мне казалось, вы сегодня в чудеса не верите?

МАТЬ М. Но я хочу верить. Хочу иметь такую возможность. Чтобы был выбор: верить или не верить.

МАРТА. То, во что вы решили верить, ложь. Просто вы не хотите признать, что Агнес изнасиловали или соблазнили, или что она сама кого-то соблазнила.

МАТЬ М. Она невинна.

МАРТА. Но для современной психиатрии загадки в ней нет. Агнес – истеричка. В детстве она подвергалась насилию. Отца не было, мать пила. До семнадцати лет девочка была заперта в доме, до двадцати одного года в монастыре. Итог? Без вариантов.

МАТЬ М. То есть, я верю в чудеса, а психиатр верит, что она продукт внешних воздействий?

МАРТА. Без вариантов.

МАТЬ М. Тогда почему вам не все равно? Вы же сон потеряли, думаете о ней неотступно, жаждете спасти. Почему? Это вопрос, но ответа не требуется. Я не обвиняю, я констатирую. Знакомые симптомы, очень знакомые. Я по этой болезни эксперт. Мы с вами обе эксперты.

МАРТА. *(после паузы)* Значит, вы верите, что Бог позволил ей...

МАТЬ М. Возможно позволил...

МАРТА. ...возможно позволил ей зачать ребенка...

МАТЬ М. Не сына Божия, а просто дитя.

МАРТА. Просто дитя. Без участия мужчины.

МАТЬ М. Это то, во что я хочу верить, да.

МАРТА. Верить без доказательств?

МАТЬ М. Разумеется. Однозначных доказательств «за» не существует. Только отсутствие доказательств «против».

МАРТА. Но как вы объясните окровавленные простыни в ночь зачатия?

МАТЬ М. Никак.

МАРТА. А почему ребенок умер?

МАТЬ М. Не знаю.

МАРТА. Вы полагаете, Бог совершил ошибку и попытался ее исправить?

МАТЬ М. Не говорите ерунды.

МАРТА. Может, вы меня разыгрываете? Голову мне морочите?

МАТЬ М. Зачем мне это делать?

МАРТА. Потому что речь об убийстве.

МАТЬ М. О каком убийстве?

МАРТА. Вы верите, что Агнес невиновна. Я тоже так считаю. Доказательств у меня тоже нет. Но я их ищу. И найду, если они существуют.

МАТЬ М. Только не превращайте эту историю в детективное чтиво, милочка.

МАРТА. А то, что она рассказала нам под гипнозом, вас не тревожит? Ведь в комнате кто-то был!

МАТЬ М. Меня тревожит только ее душа.

МАРТА. Кто был с ней в комнате, мать Мириам? Вы?!

МАТЬ М. Если вы упорно настаиваете на версии убийства, задавайте свои вопросы не мне и уж точно не Агнес. Разбирайтесь с окружным прокурором. *(направляется к выходу)*

МАРТА. Вы куда?

МАТЬ М. В суд. Добьюсь, чтобы вас отстранили от дела.

МАРТА. Почему? Я близка к истине?

МАТЬ М. Доктор, я молюсь за...

МАРТА. Агнес невиновна?

МАТЬ М. *(перебивает)* ... однажды вы меня поймете.

МАРТА. Невиновна?

МАТЬ М. До свидания, доктор. Кстати, вы, помнится, жаждали чуда? Оно произошло. Совсем малюсенькое чудо, но вы скоро его заметите.

МАТЬ МИРИАМ уходит. Входит АГНЕС.

АГНЕС. Вы ссорились.

МАРТА. *(быстро, понизив голос)* Агнес, послушай. Мать Мириам тебе когда-нибудь угрожала?

АГНЕС. Нет.

МАРТА. Пугала тебя?

АГНЕС. Почему вы спрашиваете?

МАРТА. Потому что она может иметь отношение к...

МАТЬ М. *(издали)* Сестра Агнес!

АГНЕС. Иду, мать Мириам!

МАРТА. Агнес, кто был с тобой в комнате?

АГНЕС. Я вас больше не увижу?

МАРТА. Непременно увидишь. Обещаю. Агнес, кто был с тобой в комнате? *(пауза)* Ты знаешь, кто это был?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Кто? Ради бога, скажи!

АГНЕС. Это была моя мама.

МАТЬ М. *(издали)* Агнес!

АГНЕС. До свидания. *(уходит)*

МАРТА. В ту ночь мне приснилось, что я – акушерка в маленькой частной больничке в далекой стране. Я одета в белое и комната, в которой я нахожусь, тоже белая. Окно открыто, и там видны горы со снежными вершинами. Передо мной на столе женщина, я должна сделать кесарево. Она сильно кричит, и я понимаю, что должна извлечь ребенка как можно быстрее. Я взрезаю живот, погружаю туда руки по самые запястья. Вдруг я чувствую, как крохотная ручка хватает меня за палец и тянет к себе, а женщина сдавливает мою голову и толкает вниз. Маленькое существо внутри нее втягивает меня в ее чрево – до локтей, до плеч, до подбородка, я открываю рот, чтобы закричать, но рот тут же заполняется кровью. Я проснулась. Простыня была в крови. В моей крови. Менструации у меня всю жизнь приходили нерегулярно, а три года назад полностью прекратились. Ну вот, вернулись... *(пауза)* Что бы я сделала, будь у меня ребенок? Не знаю... Ничего не знаю... *(пауза)* На следующий день суд по моему запросу вернул мне Агнес – разрешил продолжить следственные действия. Я была совершенно уверена, что права. Как врач я была обязана сомневаться, но как человек... *(бьет себя кулаком в грудь)* Я не каменная. Я сделана из плоти и крови... у меня есть сердце... есть душа... *(продолжает молча, отчаянно колотить себя в грудь, наконец перестает)* Ну вот и развязка. Последняя катушка Греты Гарбо. Без вариантов.

Входит МАТЬ МИРИАМ.

МАТЬ М. Ну, что? Победила?

МАРТА. Пока нет, до победы далеко.

МАТЬ М. Хочешь ей череп вскрыть?

МАРТА. Хочу второй сеанс гипноза.

МАТЬ М. Одного мало?

МАРТА. А еще хочу задать вам несколько вопросов, до которых раньше дело не дошло...

МАТЬ М. И меня утопить решила?

МАРТА. ...потому что вы ловко их избегали.

МАТЬ М. Спрашивай.

МАРТА. Агнес во время беременности жаловалась на плохое самочувствие?

МАТЬ М. Случалось.

- МАРТА. Тогда почему вы не отправили ее к врачу?
- МАТЬ М. Она не хотела. Боялась.
- МАРТА. Чего боялась? Что врач узнает что-то лишнее? Она сама сказала, что боится? Или это ваше предположение?
- МАТЬ М. Если ты собираешься на меня давить, разговор окончен.
- МАРТА. Я на вас не давлю. Я задаю вопрос.
- МАТЬ М. Я монахиня, а ты нас ненавидишь...
- МАРТА. Вы знали, что она беременна?!
- МАТЬ М. Да. *(отчаянно пытается сдержать слезы)*
- МАРТА. И не отправили ее к врачу?
- МАТЬ М. Было слишком поздно.
- МАРТА. Что вы имеете в виду?
- МАТЬ М. Я не догадывалась, пока... *(она не в силах договорить)*
- МАРТА. Пока **что**? Не тратьте на меня слезы, мать Мириам. Пока **что**?
- МАТЬ М. Пока не стало слишком поздно.
- МАРТА. Для аборта?
- МАТЬ М. Чушь.
- МАРТА. Тогда для чего?!
- МАТЬ М. Чтобы предотвратить!
- МАРТА. Значит все же аборт?
- МАТЬ М. Скандал! Было слишком поздно, чтобы предотвратить скандал, но – попытка не пытка. Я взяла с нее обещание никому не рассказывать. Мне нужно было время.
- МАРТА. А его уже не было?
- МАТЬ М. Нет! В тот вечер я поняла...
- МАРТА. Что время истекло?

МАТЬ М. Да.

МАРТА. Значит, вы пришли к ней в комнату, чтобы помочь с родами.

МАТЬ М. Она не хотела помощи.

МАРТА. Но вы хотели как можно быстрее избавиться от ребенка.

МАТЬ М. Это ложь.

МАРТА. Вы спрятали в комнате мусорное ведро.

МАТЬ М. Корзину для бумаг. Я ее не прятала! Просто принесла – знала, что будет кровь, грязные простыни...

МАРТА. И ребенок.

МАТЬ М. Нет!

МАРТА. Это вы удавили младенца?

МАТЬ М. Я хотела, чтобы она родила без свидетелей. Я собиралась отвезти ребенка в больницу и там оставить. Но было так много крови... у меня началась паника.

МАРТА. До или после того, как вы убили ребенка?

МАТЬ М. Я вышла позвать на помощь. Я оставила его живым, с ней!

МАРТА. Сомневаюсь, что она это подтвердит.

МАТЬ М. Тогда она проклятая лгунья!

*Тишина. МАТЬ МИРИАМ закрывает лицо руками.
Слышно пение АГНЕС.*

АГНЕС. Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis. Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis. Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, dona nobis pacem.

МАТЬ М. Хорошо, валяйте, гипнотизируйте. Покончим с этим раз и навсегда.

*МАТЬ МИРИАМ выходит, подходит к АГНЕС.
Нежно сжимает ее лицо ладонями. Ведет в кабинет.*

МАРТА. Здравствуй, Агнес.

АГНЕС. Здравствуйте.

МАРТА. У меня остались к тебе вопросы. Ты не против, если мы продолжим разговор?

АГНЕС. Хорошо.

МАРТА. И я хотела бы снова провести сеанс гипноза. Не возражаешь?

АГНЕС. Проводите.

МАРТА. Хорошо. Сядь. Расслабься. Ты снова в бассейне. Только на этот раз в твоём теле есть отверстия... вода проникает через них внутрь... в глаза... там, под веками, течёт теплая вода... очень теплая... очень чистая... как молитва... твои веки такие тяжелые... такие сонные. Закрой глаза. Ты проснешься, когда я досчитаю до трех. Агнес, слышишь меня?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Агнес, я задам тебе несколько вопросов. Глаза пока не открывай. Хорошо?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Вспомни, если сможешь, ночь около года назад, в субботу, когда в монастыре умерла... одна из сестер...

МАТЬ М. Сестра Полина.

МАРТА. Ночь, когда умерла сестра Полина. Ты помнишь?

АГНЕС. Да. *(всхлипывает)*

МАРТА. Что-то не так?

АГНЕС. Я любила сестру Полину.

МАРТА. Агнес, что случилось той ночью?

АГНЕС. Она отправила меня спать пораньше.

МАРТА. Кто отправил?

АГНЕС. Мать Мириам.

МАРТА. Ты легла?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Агнес, представь: ты у себя в комнате. Расскажи, что происходит.

АГНЕС. Я просыпаюсь.

МАРТА. Который сейчас час?

АГНЕС. Не знаю. Еще темно.

МАРТА. Ты что-нибудь видишь?

АГНЕС. Сначала не вижу, но...

МАРТА. Что **но**?

АГНЕС. В комнате кто-то есть.

МАРТА. Тебе страшно?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Что ты делаешь? *(пауза)* Агнес?

АГНЕС. Кто здесь? *(пауза)* Кто это? *(пауза)* Это ты? *(пауза)* Но я боюсь. *(пауза)* Да. *(пауза)* Согласна. *(пауза)* Почему я? *(пауза)* Подожди. Я хочу тебя увидеть! *(ахает и открывает глаза)*

МАРТА. Что ты видишь?

АГНЕС. Цветок. Белый, гладкий как воск. Капля крови капает в бутон, струится по венам. Крошечный ореол. Миллионы ореолов, они множатся, дробятся, а перья – звезды, они падают прямоком в Божье око, в самую радужку. Боже, Он видит меня. О, это так прекрасно – голубое и желтое, зеленые листья, бурая кровь, нет, красная, Его Кровь, Бог мой, Бог мой, я истекаю кровью, я истекаю кровью! *(из ладоней у нее идет кровь)*

МАТЬ М. Господи.

АГНЕС. Мне надо это смыть, кровь на руках, на ногах, на простынях, Боже, помоги мне отстирать, отчистить простыни, помоги мне, помоги, кровь не смывается, не смывается!

МАТЬ М. *(хватая ее)* Агнес...

АГНЕС. Отпусти!

МАТЬ М. Агнес, пожалуйста...

АГНЕС. Ты ведь хотел, чтобы так было?! Чтобы все так случилось, да?!

МАТЬ М. Нет.

АГНЕС. Уходи! Я больше тебя не знаю! Чтоб ты сдох!

МАРТА. Агнес...

АГНЕС. Чтоб вы все сдохли!

МАРТА. ... мы это **мы**, посмотри! А с тобой в комнате был мужчина.

АГНЕС. Отстань от меня!

МАРТА. Ты меня слышишь? Он очень плохо с тобой поступил.

АГНЕС. Не трогай меня!

МАРТА. Он напугал тебя, причинил тебе боль.

АГНЕС. Не надо!

МАРТА. Ты не виновата...

АГНЕС. Это мама, мама виновата!

МАРТА. Скажи, кто он, и мы его найдем...

АГНЕС. (*обращаясь к МАТЕРИ МИРИАМ*) Ты виновата!

МАРТА. ... мы сделаем все, чтобы он больше никого не обидел.

АГНЕС. (*к МАТЕРИ МИРИАМ*) Это ты во всем виновата!

МАРТА. Агнес, кого ты видела в комнате?!

АГНЕС. Я его ненавижу.

МАРТА. Конечно, ненавидишь. Кто он?

АГНЕС. Я его ненавижу за все, что он со мной сделал.

МАРТА. Да.

АГНЕС. Весь ужас из-за него.

МАРТА. Кто он?

АГНЕС. Я его ненавижу!

МАРТА. Кто сделал это с тобой?

АГНЕС. Бог! Бог сделал это со мной! Это был Бог! И теперь я буду гореть в аду, потому что ненавижу Его!

МАРТА. Агнес, ты не будешь гореть в аду. Его можно ненавидеть.

МАТЬ М. На сегодня хватит, разбуди ее.

МАРТА. Рано.

МАТЬ М. Ей же плохо! Надо остановить кровь...

МАРТА. Рано.

МАТЬ М. Ты не имеешь права...

МАРТА. Агнес, что случилось с ребенком?

МАТЬ М. Она не может вспомнить!

МАРТА. Может! Агнес...

МАТЬ М. Она не помнит!

МАРТА. (*трясет АГНЕС за плечи*) ... что случилось с ребенком?!

АГНЕС. Они его выбросили.

МАРТА. Нет, после родов.

АГНЕС. Он был мертвый.

МАТЬ М. Оставь ее!

МАРТА. Вспоминай! Он был живой?!

АГНЕС. Не помню.

МАТЬ М. Умоляю!

МАРТА. Он был жив, да?

МАТЬ М. Хватит!!!

МАРТА. Да?!

АГНЕС. Да!!! (*пауза*)

МАРТА. Что же с ним случилось?

АГНЕС. Я не хочу вспоминать.

МАРТА. Но ты знаешь, верно?

АГНЕС. Да.

МАРТА. С тобой в комнате была мать Мириам?

АГНЕС. Да.

МАРТА. Она взяла ребенка на руки...

АГНЕС. Да.

МАРТА. Ты это видела?

АГНЕС. Да.

МАРТА. А потом... что она сделала? *(пауза)* Агнес, что она сделала?

АГНЕС. *(просто и тихо)* Она вышла. Оставила меня с этим... с этой маленькой... штукой... Я посмотрела на нее и подумала, что это ошибка. Моя ошибка, не мамина. Божья ошибка. Я решила, что могу ее спасти. Могу вернуть ее Богу. *(пауза)*

МАРТА. Что ты сделала?

АГНЕС. Спать ее положила.

МАРТА. Как?

АГНЕС. Обвязала ей шею пуповиной, завернула в простыни и засунула в ведро.

МАТЬ М. Нет. *(отворачивается; пауза)*

МАРТА. Один. Два. Три.

*АГНЕС медленно встает и уходит,
тихо напевая «Чарли – парень хоть куда».*

МАРТА. Мать Мириам? *(пауза)* Мать Мириам, пожалуйста...

МАТЬ М. Ты была права. Она вспомнила. А я-то считала ее невинной пташкой. Спасибо, доктор Ливингстон. Такие, как вы, просто необходимы. Мы-то, недалекие людишки, верим в ложь, а вы открываете нам глаза.

МАРТА. Мать Мариам...

МАТЬ М. Но я вас никогда не прощу. За все, то, что вы у нас отняли.
(пауза) Умереть должна была ты. Не твоя сестра. Ты.

АГНЕС. *(обращаясь к невидимому другу)* Почему ты плачешь? *(МАРТА и МАТЬ МИРИАМ поворачиваются к ней; пауза)* Но я верую. Верую. *(пауза)* Я никому не нужна, но, пожалуйста, не оставляй меня. Прошу! Я больше не буду плохой девочкой. *(видит кого-то другого)* Нет, мама. Я не хочу идти с тобой. Не тяни меня. У тебя руки жгутся. Не трогай! Мамочка, не жги меня там! Больно!!! *(пауза; АГНЕС поворачивается к МАТЕРИ МИРИАМ и МАРТЕ и протягивает руки с окровавленными ладонями – поза статуи Богородицы; она улыбается и говорит просто и осмысленно)* Целую неделю я каждую ночь стояла у окна. И однажды услышала самый красивый голос – таких просто не бывает. Он доносился с пшеничного поля – у меня окно как раз туда выходит. Лунный луч освещал Его. Он был в этом ореоле, в сиянии. Шесть ночей Он пел мне песни, которых я никогда прежде не слышала. А на седьмую ночь Он пришел ко мне в комнату, распростер Свои крылья и лег на меня сверху. И все это время Он пел. *(улыбается, плачет, поет)*

Чарли – парень хоть куда!¹
В нём души не чаю.
Он из города всегда
Везет конфетки к чаю.
Жду его я у окна,
Других не привечаю.
Чарли – парень хоть куда,
Я в нем души не чаю.

МАТЬ МИРИАМ постепенно уводит АГНЕС.

АГНЕС. Чарли – парень хоть куда!
В нём души не чаю.
Он из города всегда
Везет конфетки к чаю.
Везет конфетки к чаю...

МАРТА. *(поет)* Везет конфетки к чаю... *(пауза)* Не знаю, что скрывается за этой нехитрой песенкой. Может, отец ребенка был крестьянин, ловкий обольститель девушек? А может, она помнила эту песенку с детства, а отец был... надеждой, любовью, желанием. И верой в чудо. *(пауза)* Больше я их не видела. На следующий день я сама отказалась от дела. Мать Мариам оставила Агнес на милость суда, и ее отправили в больницу... Там она перестала петь... и есть... и умерла. *(пауза)* За что? За что один ребенок страдал в детстве, а другой был убит, едва родившись? За что девочку лишили разума? Неужели только для того, чтобы некий судебный психиатр,

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=MlmpRkSkpVA>

точнее, психиатресса, которая мучается собственным безверием, нерегулярными менструациями и постоянно хочет курить, призналась в своих грехах публике? Какой Бог послал мне Агнес, это чудо, чтобы она напрочь перевернула мое размеренное существование? Мне нужен ответ! Причина! А без этой девочки мне... хана! Потому что я хочу верить, что на ней была... печать Божья. И я надеюсь, Бог мой, да, я надеюсь, что и на мне остался этот след, этот свет... Выходит, я верю в чудо? *(пауза)* Я – верю?

КОНЕЦ